

12 ОКТ 1986

РАМА

• Юбилей

Талант глубокий, народный

Актеру Московского Художественного академического театра СССР имени М. Горького народному артисту Советского Союза Евгению Александровичу Евстигнееву исполнилось 60 лет.

Участие этого актера в спектакле или фильме, словно магнит, притягивает в театральные и кинозалы людей — идут на Евстигнеева! Смотрят, слушают — и не перестают удивляться глубокому проникновению в суть характера или явления, беспредельной изобретательности выразительных средств, той неповторимости, которой наделяет актер своих героев. Даже тех из них, которые уже давно и, казалось бы, хрестоматийно известны. Независимо от времени, в котором пребывают и действуют эти герои, они в исполнении Евстигнеева поразительно точно попадают в интонацию сегодняшнего дня, в его проблемы и боль. Евстигнеевский Чебутыкин, например, — это человек, которого мы не только сегодня будем понимать и принимать (или не принимать: все зависит от нашей позиции и совести), но и завтра, и послезавтра... Через его героев, я бы сказал, проникаешься все большим и большим интересом к людям вообще, начинаешь пристально присматриваться к тем, кто живет и трудится рядом, угадываешь в них нечто такое (и хорошее, и не очень), о чем и не подозревал раньше. Пытаешься, чего раньше не случалось или случалось очень редко, объяснить себе слово или поступок знакомого тебе человека. Но самое интересное — меньше всего думаешь... о «виновнике» того, что с тобой происходит, — об актере и его искусстве.

Искусство Евстигнеева создает публику. Он играет людей талантливых. Это утверждение вовсе не следует понимать буквально: дескать, каждый его герой непременно и явно талант в конкретном деле. В подмосковном санатории «Переделкино», в лесу, где Евгений Александрович устраивался обычно с мольбертом, я говорил с ним о его героях. Евстигнеев больше молчал. Иногда бросал на меня какой-то, я бы сказал, стремительный взгляд. Это могло означать совершенно разное: и согласен, и совершенно не согласен...

— Очень хорошо понимаю, — говорил я, — что то, как актер работает над ролью, никому не дано понять. Это таинство, о котором знает только актер. Но... о чем все-таки, начиная работать, вы сговариваетесь... с самим собой?

— Ну, во-первых, я не могу точно определить, когда начинается работа над ролью и когда она заканчивается. Если она вообще заканчивается. Ведь один спектакль не похож на другой, каждый раз к тем краскам, которые уже найдены, добавляются, естественно, и другие. И, значит,

роль движется! И будет, видимо, двигаться до тех пор, пока спектакль входит в репертуар. Иду я от уверенности, что любой человек талантлив, интересен. Даже если его почти никто в жизни не замечает. Неприметный человек — это вовсе не обязательно неинтересный человек. У Евтушенко об этом сказано точно: «И если кто-то незаметно жил и с этой незаметностью дружил, он интересен был среди людей самую незаметностью своей».

Такие размышления — начало. А дальше — актер сам признается в том — начинается самое увлекательное — сочинение образа. Поиск средств художественной выразительности. Без этого, понятно, от реализма.

— Не понимаю, как можно вообще всерьез рассуждать об органичности. Органика — это «техминимум» в нашей профессии. Нет органики — тебе вообще нечего делать в актерстве. Другое дело — быть органичным в сочиненном тобой образе. В этом, если хотите, суть нашего способа существования на сцене или экране. Актер, не делающий поправку на образ, обворовывает себя, лишается самой большой радости пребывания в профессии — процесса создания образа!

И еще вот о чем хочется сказать. Кого бы ни играл Евстигнеев, актер всегда словно бы идет с нами, зрителями, свой диалог, защищая и утверждая по отношению к изображаемому им персонажу собственную и прочную гражданскую позицию. Но Евстигнеев отнюдь не стремится подавить зрителя — дает ему «воздух»: отдышись-де и поразмысли вместе со мной. И в этом характерный для искусства Евстигнеева подлинный демократизм. Истоки этого демократизма, который, конечно же, не возник сам по себе в искусстве Евгения Александровича, заключены, видимо, в самой судьбе актера, в том, как сложно складывалась судьба человека по фамилии Евстигнеев. Хотя со стороны взглянуть — все в этой судьбе было гладко и шло по возрастающей. Но это — если со стороны. Многое в судьбе актера оборачивалось для него «крутыми горками» и несправедливости, и преодоления (до сих пор!) многих «перевалов», «крепостей», которые выстраивает перед человеком искусство. И только подлинно талантливого, беспокойного в жизни и в хорошем смысле слова упрямого человеку дано одолеть все это. От тех, кто учил его будущему делу, наследовал Евстигнеев пристальный интерес едва ли не к каждому человеку, который так или иначе встречался ему на пути.

Сын нижегородского рабочего стал народным артистом Советского Союза, одним из любимейших народом.

Состоялась судьба талантливого человека.

Л. ДНЕПРОВСКИЙ.